

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Н. Н. СТЕПАНОВ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ А. И. ГЕРЦЕНА В 30-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Этнографические работы А. И. Герцена 30-х годов XIX века, написанные им во время ссылки в Вятке и Владимире, неоднократно были предметом внимания и в дореволюционной, и в советской литературе¹. И тем не менее, многое в этой теме остается еще невыясненным. Справедливо было замечено С. А. Токаревым о работах Герцена 30-х годов: «Слабо выявлено идейное наследство Герцена в изучении народной поэзии, народной культуры»².

В данной статье делается попытка подвести итоги разработки этой интересной и важной темы в истории русской этнографической науки и вместе с тем поставить некоторые новые вопросы, упущенные прежними исследователями.

В годы ссылки Герцен впервые близко соприкоснулся с народными массами и узнал жизнь русского народа и других народов Российской империи. «Теперь я увидел хоть часть России», — пишет он в письме к своим друзьям Н. Х. Кетчеру и Н. И. Сазонову 18 июля 1835 года³. В письме к тому же Н. Х. Кетчеру от 22 ноября 1835 года Герцен вновь указывает: «Единственная польза, которую я приобрел, что ближе узнал некоторые части законовещения и самую Русь»⁴.

Проблема народа встала, однако, перед Герценом еще до его ссылки. Неудачное восстание декабристов в 1825 году выдвинуло перед новым поколением дворянских революционеров, перед Герценом и его друзья-

¹ Н. М - в а, Культурная деятельность А. И. Герцена в провинции, «Русская мысль», 1900, февраль; М. К. Лемке, Очерки жизни и деятельности Герцена, Огарева и их друзей (По неизданным источникам), Очерк второй, Арест, тюрьма и ссылка, «Мир божий», 1906, февраль; П. Н. Луппов, А. И. Герцен в Вятской ссылке, «Вятская жизнь», 1923, № 2; К. В. Дрягин, Вятская ссылка Герцена, Сб. «А. И. Герцен в Вятке», Киров, 1940; «Статистические работы Герцена в Вятке», публикация П. Луппова, «Литературное наследство», т. 39—40, М., 1941; В. Е. Гусев, Герцен и народная поэзия, «Сов. этнография», 1951, № 3 (повторно в изданиях — В. Е. Гусев, Русские революционные демократы о народной поэзии, М., 1955; «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. 1, М., 1956 (статья В. Е. Гусева «А. И. Герцен — этнограф и фольклорист»)); М. Косаткин, Герцен во Владимире, «Владимир, Литературно-художественный альманах», кн. первая, 1951; Н. Н. Баландина, А. И. Герцен и «Владимирские губернские ведомости», «Ученые записки Владимирского государственного педагогического института им. П. И. Лебедева-Полянского», Владимир, 1958.

² «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, М., 1955, стр. 545.

³ А. И. Герцен, Собрание сочинений, т. XXI, стр. 44, изд. АН СССР, М., 1961. В дальнейшем цитирую это издание сокращенно — «А» с указанием цитируемого тома, в данном случае — А — XXI.

⁴ Там же, стр. 56. Разрядка моя.— Н. С.

ми («кружок Герцена») вопрос о причинах этой неудачи, и это закономерно привело их к новой постановке вопроса о народных массах и их роли в истории. Герцен и члены его кружка внимательно следили за всем тем, что давало материал о жизни народа, считая, что на очереди стоит создание именно «народной истории», то есть такой истории, которая «смотрит на массы народа, а не на отдельные лица, на движение ее, ищет в ней одной ко всему причины»⁵.

Таким образом, интерес к жизни народа, так ярко проявившийся у Герцена в его этнографических работах второй половины 30-х годов, не был только результатом новых впечатлений в условиях ссылки. Герцен был подготовлен к ним и жадно стремился к этой встрече с народом. Герцен любил народ, верил в него и вместе с тем понимал, что тяжелые условия жизни наложили свой отпечаток на характер этой жизни, уродуя и коверкая ее. «Люблю я народ — пишет он Н. А. Захарьиной 6 сентября 1835 г., — люблю, несмотря на его невежество, на его униженный, подлый характер, ибо сквозь всей этой коры проглядывает душа детская, простота, даже что-то доброе»⁶.

Герцен прибыл в Вятку 19 мая 1835 г. и 1 июня был определен переводчиком вятского губернского правления. Но уже 6 сентября Герцен сообщает Н. А. Захарьиной, что губернатор Тюфяев поручил «дело более родное» ему — «составление статистики здешней губернии»⁷.

Действительно, вопросы статистики интересовали Герцена еще в студенческие годы. В плане журнала, который проектировали издавать Герцен и его друзья, статистика занимала видное место. Ей был отведен особый раздел, носивший название «статистическое обозрение». Статистика рассматривалась в плане журнала как «последнее слово», «halte истории»⁸.

Вятский губернский статистический комитет был открыт 2 мая 1835 года. Производство дел по комитету было возложено на губернского прокурора Мейера. К работе в этом комитете и был привлечен Герцен.

В комитете имелась программа для собирания статистических сведений. Эта программа, носившая название «О собирании статистических сведений», была опубликована в 1941 г. П. Лупповым, который приписал ее составление Герцену⁹. П. Луппов писал: «Хотя в делах вятского губернского статистического комитета нет прямого указания на автора записки, но несомненно, что она написана Герценом: почерк в записке сходен с почерком в черновых бумагах по вятскому губернскому статистическому комитету за то время, когда Герцен заведовал перепиской по этому комитету»¹⁰. Эти соображения П. Луппова вряд ли могут быть приняты. Прежде всего, П. Луппов не мог установить точно по рукописи, что перед нами автограф Герцена. Таким образом, авторство Герцена нельзя доказать палеографически. Но даже если бы удалось

⁵ Письмо А. К. Лахтина (член кружка Герцена) к Н. П. Огареву от 28 июня 1833 г. — «Литературное наследство» (в дальнейшем — ЛН), т. 63, М., 1956, стр. 295.

⁶ А—XXI, стр. 194.

⁷ Там же.

⁸ А—I, стр. 60—61. Halte — итоги.

⁹ ЛН, т. 39—40, стр. 172.

¹⁰ От П. Луппова это утверждение об авторстве Герцена перешло и к В. Е. Гусеву. См. В. Е. Гусев, Русские революционные демократы о народной поэзии, стр. 68. В своей более ранней работе «А. И. Герцен в Вятской ссылке» П. Н. Луппов держался иной точки зрения. Он писал: «Кем составлена была эта записка, в делах комитета нет указания; почерк руки не похож на почерк правителя дел Мейера и мало похож на почерк А. И. Герцена» — («Вятская жизнь», 1923, № 2, стр. 49, прим.). Изменение точки зрения П. Н. Луппова произошло, видимо, под влиянием статьи К. В. Дрягина «Вятская ссылка Герцена», в которой К. В. Дрягин мельком высказал предположение: «Может быть, Герценом была составлена записка «О собирании статистических сведений», находящаяся в делах комитета» («А. И. Герцен в Вятке», Киров, 1940, стр. 9). Аргументировать это «может быть» К. В. Дрягин ничем, однако, не смог.

установить, что перед нами автограф Герцена, это не решало бы еще вопроса об авторстве этой программы. В начале служебной деятельности Герцена в комитете ему пришлось переписывать многие служебные документы. Позже, в «Былом и думах» он вспоминал о «барщине переписки бумаг», которой был занят в комитете¹¹.

Анализ самой записки «О собирании статистических сведений», бесспорно, доказывает, что автором ее не мог быть Герцен. В «Былом и думах» Герцен писал: «Министерство внутренних дел было тогда в припадке статистики; оно велело везде завести комитеты и разослало такие программы, которые вряд ли возможно было исполнить где-нибудь в Бельгии и Швейцарии; при этом всякие вычурные таблицы с *maximum* и *minimum*, с средними числами и разными выводами из десятилетних сложностей (составленными по сведениям, которые за год перед тем не собирались!), с нравственными отметками и метеорологическими замечаниями»¹².

Содержание «Записки о собирании статистических сведений», опубликованной П. Лупповым и приписанной им Герцену, убеждает, что эта «Записка...» и есть та самая программа, о которой писал Герцен. Она составлена каким-то чиновником в центре безотносительно к особенностям какой-либо губернии (в данном случае — Вятской), а применительно ко всем губерниям Российской империи. Так, в графе «О чрезвычайных по губернии происшествиях» указывается, что нужно собрать сведения: «О А) грабежах и разбоях, В) самоубийствах, С) скоропостижно умерших, D) умерших от пьянства, E) умерших от угара, F) замерзших, G) утонувших, H) об убийствах — а) умышленных, б) неумышленных, J) кораблекрушениях...» В той же «Записке» сообщается, что «сведения о духовенстве магометанских Омаровой и Алиевой секты должно требовать из оренбургского магометанского собрания»¹³.

Все это, бесспорно, доказывает, что «Записка...» не была составлена в Вятке и автором ее не мог быть Герцен.

Работа Вятского губернского статистического комитета во время пребывания Герцена в Вятке не была плодотворной. Вся работа в комитете свелась к переписке с местами. Неподготовленность чиновников на местах к статистической работе создавала различного рода недоразумения, которые трудно было разрешить одной перепиской. Выход из создавшихся трудностей Тюфяев видел в командировании на место чиновника, «совершенно знающего сию часть». В конце своего донесения в центр Тюфяев испрашивал разрешение послать Герцена.

Герцен с нетерпением ожидал разрешения Блудова и возлагал на предстоящую поездку большие надежды. Она должна была дать материал не только для статистического комитета, но и для личных работ.

12 ноября 1836 г. Блудов ответил отказом на просьбу Тюфяева. Проектировавшаяся длительная поездка Герцена по Вятской губернии была сорвана.

Герцен пробыл в Вятке до конца 1837 г. Ездил ли он в это время по Вятской губернии хотя бы на короткие сроки? Переписка Герцена с друзьями (Н. Х. Кетчером и Н. И. Сазоновым) и Н. А. Захарьиной дает сведения только об одной поездке на р. Великую, в 50 верстах от Вятки на главный летний праздник в Вятской губернии — праздник Николая Хлыновского¹⁴.

¹¹ А — VIII, стр. 246.

¹² Там же, стр. 245 (разрядка в тексте).

¹³ ЛН, т. 39—40, стр. 174, 181.

¹⁴ А—XXI, стр. 80. В «Былом и думах» Герцен вновь вернулся к описанию этого праздника и дал более подробный рассказ. — А—VIII, стр. 291—292. Позже этот же праздник описал М. Е. Салтыков-Щедрин в «Губернских очерках» (М. Е. Салтыков-Щедрин, Полное собр. соч., т. II, 1933, стр. 129—140).

О других поездках Герцена в переписке нет никаких данных. М. К. Лемке в комментарии к I тому «Полного собрания сочинений и писем А. И. Герцена» сообщает, однако, что монография Герцена о Вятской губернии (о ней см. ниже) «составлялась на месте, после нескольких поездок по губернии, которые были совершены Герценом в конце 1836 и в начале 1837 г.»

Данные об этих поездках мы встречаем в более поздних работах Герцена, что, очевидно, и было учтено М. К. Лемке, хотя он нигде и не сообщил своих обоснований. В статье «1836—1863», опубликованной в «Колоколе» в 1863 г., Герцен мелком указал, что в 1835 г. во время ссылки ездил в город Сарапул¹⁵. Об этой поездке Герцена в его переписке времени ссылки нет ни слова. Наконец, в «Былом и думах» в главах, посвященных вятской ссылке, мы находим убедительные доказательства поездок Герцена по Вятской губернии. Здесь даны живые зарисовки быта русского крестьянства, а также быта «вотяков» (удмуртов)¹⁶, которые могли быть сделаны только по памяти о прошлых поездках.

Этнографические исследования Герцена начались собственно еще раньше, на пути в Вятку. Впечатления от Казани и от ее многонационального населения легли в основу статьи «Письмо из провинции». Это — первая статья из задуманного, но полностью не осуществленного цикла статей о Казани, Перми, Вятке, в котором значительное место должны были занимать этнографические вопросы.

В «Письме из провинции», описывая свой путь в Казань, Герцен уже в Чебоксарах подмечает пестрый национальный состав населения, отличный от русских городов центра.

Непривычные для Герцена пестрота и своеобразие национального мира Казани не закрыли для него, однако, картины тяжелого положения народностей этого края. Особенно безотрадным было впечатление после выезда из Казани. «Русское население сменялось татарским, татарское — финским. Жалкие, бедные племена черемис, вотяков, чувашей и зырян нагнали на меня тоску»¹⁷.

Тема о вотяках была развита Герценом позже в статье «Вотяки и черемисы», опубликованной в «Прибавлениях к Вятским губернским ведомостям» за 1838 г. уже после отъезда Герцена из Вятки. Статья сопровождалась примечанием: «Из первой тетради Статистической монографии Вятской губернии, составленной А. Герценом».

Ни рукопись статьи, ни рукопись монографии до нас не дошли, и это обстоятельство до настоящего времени является причиной многих неясностей, с которыми сталкивается исследователь, изучая вопрос об этой работе Герцена. Впервые вопрос о монографии Герцена был поставлен в статье Н. М-вой «Культурная деятельность А. И. Герцена в провинции» («Русская мысль», 1900, февраль). Н. М-ва приписала Герцену ряд статей без подписи, опубликованных в «Вятских губернских ведомостях» в 1838—1842 гг.: «Русские крестьяне Вятской губернии», «Географическое описание Вятской губернии», «Состояние народов в Вятке до времен Петра Великого», «Нечто о характеристике племен, обитающих в Вятской губернии», «Вотяцкие молитвы», «Взгляд на состояние разных ветвей хозяйства и промышленности», а также описания уездных городов Вятской губернии и ее достопримечательностей. Все доказательства Н. М-вой в пользу авторства Герцена сводились к тому, что «все вышеупомянутые очерки написаны в одном тоне, обнаруживают в авторе человека с исторической подготовкой и широким кругозором и дают право приписать их Герцену, как составные части его монографии». О

¹⁵ А—XVII, стр. 96, примечание.

¹⁶ Желая избежать разнобоя в тексте статьи, мы вслед за Герценом употребляем старые термины «вотяки» и «черемисы» вместо принятого, теперь правильного обозначения этих народов «удмурты» и «мари». — *ред.*

¹⁷ А—I, стр. 131—133.

статье «Вотяцкие молитвы» дополнительно отмечалось, что она составляет «как бы дополнение» к статье «Вотяки и черемисы», подписанной именем Герцена¹⁸. М. К. Лемке в 1905 г. не согласился с аргументацией Н. М-вой, указав, что она «очень неосторожно приписывает Герцену» массу статей, не основываясь, однако, на неоспоримых данных». Из всей этой «массы» статей Лемке, кроме статьи «Вотяки и черемисы», бесспорно принадлежащей Герцену, считал возможным приписать Герцену еще одну статью — «Вотяцкие молитвы», принимая, видимо, мнение Н. М-вой, что она составляет продолжение статьи «Вотяки и черемисы»¹⁹.

Редактируя в 1915 г. I том «Полного собрания сочинений и писем А. И. Герцена», М. К. Лемке вновь вернулся к этому вопросу. Лемке отмечал, что из указания редакции «Вятских губернских ведомостей» (при публикации статьи «Вотяки и черемисы» было напечатано, что она «из первой тетради Статистической монографии Вятской губернии, составленной А. Герценом») «ясно, что тетрадей было несколько, значит минимум две», но «решить теперь, что из напечатанного о губернии в 1838 и следующих годах принадлежало Герцену, нет никакой возможности»²⁰. Исходя из этого, Лемке отказался от публикации в «Полном собрании сочинений и писем А. И. Герцена» статьи «Вотяцкие молитвы», о которой он раньше писал, что ее «с достоверностью» можно считать принадлежащей Герцену.

В 1923 г. в статье «А. И. Герцен в Вятской ссылке» и в 1941 г. в публикации «Статистические работы Герцена в Вятке» П. Н. Луппов вновь поставил вопрос о статьях, которые Н. М-ва приписывала Герцену. Единственной статьей, которую П. Луппов считал возможным связать с именем Герцена, была статья «Русские крестьяне Вятской губернии»²¹.

Статья «Русские крестьяне Вятской губернии» вошла наряду со статьей «Вотяки и черемисы» в I том академического издания собрания сочинений А. И. Герцена.

Следует ли этими двумя статьями ограничивать этнографические работы, написанные А. И. Герценом в годы вятской ссылки? Думается, что к этим двум статьям следует добавить и статью «Вотяцкие молитвы», которую считали принадлежащей Герцену и Н. М-ва (в 1900 г.) и М. К. Лемке (в 1905 г.). Н. М-ва правильно указывала, что эта статья составляет «как бы дополнение» к статье «Вотяки и черемисы». К этому следует добавить, что в самом начале статьи «Вотяки и черемисы» дана как бы заявка на описание не только их быта, но и религии. «Исследование о вотяках и черемисах должно обратить на себя большое внимание. Доселе не было ничего полного собрано ни о их быте, ни о их религии...»²².

Материалы о религии вотяков и были даны в статье «Вотяцкие молитвы». Здесь приведены тексты вотяцких молитв на различные праздники. В примечании к статье прямо подчеркивалась связь этой статьи со статьей «Вотяки и черемисы». В примечании указывалось: «В предшествовавших номерах этой газеты мы сообщили сведения о домашнем быте полудикого племени вотяков, теперь не излишним считаем предложить некоторые из их молитв, более замечательные»²³. Важным аргументом в пользу авторства Герцена служит и то, что в своих последую-

¹⁸ Там же, стр. 3.

¹⁹ «Мир божий», 1906, февраль, стр. 142.

²⁰ А—I, стр. 536.

²¹ П. Н. Луппов, А. И. Герцен в Вятской ссылке, «Вятская жизнь», 1923, № 2, стр. 55 прим. 2; «Статистические работы Герцена в Вятке», ЛН, т. 39—40, М., 1941, стр. 182. Авторство ряда статей П. Н. Луппову, однако, установить не удалось.

²² А—I, стр. 368.

²³ «Прибавление к № 9 «Вятских губернских ведомостей» за 1838 г.

ших работах Герцен неоднократно возвращался к религии вотяков и к их молитвам²⁴.

Этнографические работы А. И. Герцена о русских, вотяках и черемисах Вятской губернии, несмотря на свой небольшой объем, несомненно, крупное явление в этнографической литературе 1830-х годов.

Прежде всего, перед нами не просто фактическое описание отдельных явлений быта и культуры, а исследование, охватывающее важнейшие стороны материальной и духовной культуры этих народов, причем все эти явления взяты в определенном теоретическом аспекте.

Статья «Вотяки и черемисы» начинается с определенных теоретических положений. «...Описание же их (вотяков и черемисов.— Н. С.) быта чрезвычайно важно, ибо это — последний документ их истории,— пишет Герцен.— У них нет преданий; можно только по настоящему быту догадаться о их прошедшем»²⁵. Герцен, конечно, ошибался, утверждая, что у вотяков и черемисов не было исторических преданий. Они были ему просто неизвестны. Но это не умаляет значения той теоретической постановки вопроса, какую сделал Герцен о роли этнографического материала как исторического источника. Современный быт народа рассматривается им как важнейший источник, «документ» истории народа.

В такой четкой форме вопрос о связи этнографии и истории был впервые поставлен в русской науке.

Далее Герцен переходит в статье к отдельным вопросам этнографии вотяков и черемисов. Герцен освещает вопросы этногенеза, материальной культуры (жилище, одежда), духовной культуры (религия, народное творчество) и, наконец, христианизацию вотяков и черемисов. При изучении этногенеза вотяков и черемисов Герцен использовал русскую и иностранную литературу, имевшуюся в то время. Он ссылается на материалы Карамзина и Фишера, излагает взгляды немецкого географа и натуралиста Гумбольдта и известного французского географа Мальбрена и т. д. Используются и скандинавские саги. В соответствии с твердо установленным в науке XVIII и начала XIX в. мнением о древних финских государствах Кириаландии и Биармии, Герцен считает, что финны до переселения народов, в эпоху Римской империи, составляли «племя сильное и очень многочисленное», занимавшее огромную полосу территории на севере Европы и Азии. При появлении новых племен с востока финны уступили место пришельцам. «Цель бытия их как бы окончилась: они расчистили землю, обновили ее, доказали обитаемость и, теснимые другими племенами, разбежались, скрываясь от победителей за Карпатскими горами, в странах прибалтийских и оставляя часть своего племени на прежде бывшем месте жительства. Павши совершенно, они должны были прийти в дикость». В этих условиях и произошла встреча новгородцев с вотяками и черемисами на берегах Камы и Вятки. «Малочисленная ватага» новгородцев победила эти племена. В итоге встречи произошла ассимиляция вотяков и черемисов с русским племенем. «Физиономия этого племени начинает стираться, русское население поглощает более и более финское,— новый повод к тому, чтоб заняться ими...»

Далее Герцен переходит к современной материальной культуре вотяков, говорит об их жилище, показывая отличия вотяцких деревень от русских, рассказывает об их одежде, подчеркивая близость ее к одежде русских крестьян. Рассказывая о религии вотяков, Герцен сообщает о тех богах, в которых верят вотяки, о их жертвенных местах («кереметь»), их представлениях о будущей жизни, их молитвах и религиозных праздниках.

²⁴ А—II, стр. 92; А—VIII, стр. 265, прим. 1.

²⁵ А—I, стр. 368—369.

Останавливается Герцен и на устном творчестве вотяков (песни), и на их языке. Замечания о языке вотяков показывают, что он старался уяснить себе особенности их языка.

Особый раздел посвящен христианизации вотяков. Герцен отмечает формальный характер крещения и религиозный синкретизм вотяков. «Но должно признаться, что большая часть из них нисколько не понимают христианской веры и в душе остались теми же идолопоклонниками, хотя и скрывают свою привязанность к прежней вере. Благоразумные священники в некоторых местах приняли весьма хорошую методу: они дозволяют им некоторые языческие обыкновения, не относящиеся к догматам веры, но к которым они привыкли с незапамятных времен. Еще более, они самые эти обычаи соединили с формами религиозными и таким образом привязали их к новым обрядам. Так, например, они дозволяют в летний праздник закалывать лошадь и есть ее, но предварительно служат молебен и части лошади кропят святой водою»²⁶.

В характеристике черемисов Герцен останавливается на их материальной культуре (одежда), брачных обрядах и религиозных воззрениях.

Небольшая статья «Русские крестьяне Вятской губернии» дает общую этнографическую характеристику русских крестьян Вятской губернии. Герцен подчеркивает «резкое» отличие их от крестьян других губерний. «Новгородская колония, поселившаяся около XIII столетия на берегах Вятки, управляемая почти без всякой зависимости от Москвы, отделенная татарами и финскими племенами от Новгорода и от соотчичей вообще, осталась как бы забытая в своих дремучих лесах и образовала свой быт — смесь быта древнего с влиянием местности». Наречие вятских крестьян «удивительным образом» походит на язык «старинных летописей.»

Архитектура изб — «дургой факт», также свидетельствующий об отличии быта вятских крестьян от быта крестьян других губерний. «Они строят вообще избы высокие, двухэтажные...». Третье различие — «еще ярче». «Это — страсть вятских крестьян к переселениям на новые места». Если во внутренних губерниях одна власть помещика может заставить крестьянина расстаться с местом его жительства и он оставляет его со слезами, то вятские крестьяне поступают совсем иначе — истощение земли, малейшие неудобства — «и он готов идти со своим семейством во глубину леса, расчистить там поле, поставить избу и жить без соседей».

В заключение статьи перечисляются занятия вятских крестьян: хлебопашество, пчеловодство, скотоводство и «обыкновенные работы сельского быта». В особенности они хорошо выделывают «все деревянное», «отдавая тем дань» богатым лесам²⁷.

Статьи Герцена в «Вятских губернских ведомостях» — историко-этнографические исследования, в которых, несмотря на их небольшой объем, ставятся основные вопросы этнографии русского и национального населения Вятской губернии. Этнографические факты умело сочетаются с фактами историческими (особенности быта русских крестьян выводятся из фактов самой колонизации края и т. д.).

Говоря об этнографических работах Герцена, опубликованных в «Вятских губернских ведомостях», нельзя не коснуться одного эпизода, подчеркнувшего особую актуальность и остроту этих статей.

Как мы уже отмечали, Герцен в статье о вотяках и черемисах указал на формальный характер крещения вотяков и на сохранение у них многих языческих обычаев. Прекрасно это было раскрыто и в статье «Вотяцкие молитвы». Хотя каждая из приведенных молитв и начиналась обра-

²⁶ А—I, стр. 368—372.

²⁷ А—I, стр. 372—373.

щением к богу («дай, господи...»), но, по существу, это были старые языческие молитвы, связанные с хозяйственными работами вотяков (молитвы: «перед посевом хлеба», «при выходе на сенокос», «при выходе на жатву», «перед кладкою хлеба», «когда приносят в жертву быка», «на случай звероловства» и др.).

Писарь Балезинской волости Глазовского уезда прочитал статьи Герцена вотякам на волостном сходе. Услышав описания своих языческих обычаев, напечатанные в газете, вотяки вывели заключение, что начальство разрешает им держаться прежних языческих обычаев, так как — рассуждали они — газета прислана сюда по обычному ходу дел — к исполнению тех циркуляров и распоряжений, которые в ней печатались. То же самое получилось с вотяками соседних с Балезинским приходов — Кулигинского, Понинского и Глазовского. Местный миссионер донес обо всех этих фактах вятскому епископу, причем высказал опасения, что эти статьи могут привести к возобновлению языческих обычаев у вотяков. Епископ обратился к губернатору с просьбой изъять из районов жительства вотяков номера газет с криминальными статьями. Одновременно губернатором было назначено следствие «о законопротивном поступке» балезинского писаря. На следствии писарь объяснил чтение им газет на сходе желанием выяснить «действительно ли вотяки читают в настоящее время такие молитвы, какие приведены в газете». Опрошенные 165 вотяков Балезинской волости подтвердили это показание, прибавив, что они никому не говорили, что теперь имеют разрешение совершать старые моления. Так были восприняты вотяками статьи Герцена в чтении балезинского писаря.

Вятский епископ, возбудив дело о криминальных статьях Герцена, одновременно обратился в Синод с опровержением этих статей, особенно той части «Вотяки и черемисы», где Герцен писал о «благоразумных священниках», разрешающих вотякам некоторые языческие обычаи, например, в летний праздник приносить в жертву лошадь и есть ее, при условии совершения предварительного молебна с окроплением частей лошади. «Этого не только благоразумный, но и самый безрассудный священник не сделает», — писал епископ. Скоро однако, вятский епископ вынужден был признать правоту Герцена, сообщив в своем последующем донесении в Синод о подобном факте²⁸.

С именем Герцена связана и первая выставка в Вятке. Она была организована в 1837 г. в связи с проездом через Вятку наследника. Вся организация выставки была поручена Тюфяевым Герцену. «Между разными распоряжениями из Петербурга велено было в каждом губернском городе приготовить выставку всякого рода произведений и изделий края и расположить ее по трем царствам природы. Это разделение по царствам очень затрудняло канцелярию и даже отчасти Тюфяева. Чтоб не ошибиться, он решился, несмотря на свое неблагоприятное положение, позвать меня на совет. «Ну, например, — говорил он, — куда принадлежит мед? Или золоченая рама — как определить куда она относится?» Увидя из моих ответов, что я имею удивительно точные сведения о трех царствах

²⁸ Дело о криминальных статьях Герцена по материалам вятских архивов было изложено П. Н. Лупповым в статье «А. И. Герцен в Вятской ссылке» («Вятская жизнь», 1923, № 2). П. Н. Луппов ошибочно связал это дело только со статьей «Вотяки и черемисы». Между тем, как это совершенно ясно видно из показаний балезинского писаря, дело шло о статьях «Вотяки и черемисы» и «Вотяцкие молитвы». Балезинский писарь зачитывал молитвы именно из последней статьи. В статье «Вотяки и черемисы» текста молитв нет.

Статья П. Н. Лупова, интересная изложением именно этого дела, прошла незамеченной в свое время, и в обширной литературе о Герцене нет упоминания ни о ней, ни о деле о криминальных статьях. Надо указать также, что обстоятельства этого дела остались неизвестными, видимо, и самому Герцену. Когда возникло дело, Герцен был уже во Владимире. В работах Герцена нигде нет даже малейшего упоминания об этом деле.

природы, он предложил мне заняться расположением выставки»²⁹. На этой выставке Герцен занимался и «размещением деревянной посуды и вотских нарядов, меда и чугунных решеток...»³⁰.

Выставка отняла у Герцена много времени. «Проклятая выставка вся на моей шее...» пишет он Н. А. Захарьиной 15 мая 1837 года³¹. Объяснения на выставке при посещении ее наследником и В. А. Жуковским пришлось давать тому же Герцену.

До нас дошел каталог выставки. Он носит название «Систематический указатель естественных и искусственных произведений, находящихся на губернской выставке 1837 года в Вятке»³². Из каталога видно, что заметное место на выставке занимал этнографический материал. На выставке были представлены посуда «крестьянской работы», а также земледельческие орудия и «слесарные изделия» удельных крестьян, «разные вещи, плетеные из корней», «столярные произведения крестьян различных уездов», «сельская утварь», предметы одежды и обуви (юфтенные, опойки, козлиные, овечьи, бараньи, лосиные, замшевые изделия) и т. д. На выставке были представлены также предметы культуры и быта национального населения Вятской губернии: «татарские костюмы», «вотские шляпы», «татарские шляпы» и «малахай», «вотское сукно» и т. д.

Исходя из истории организации выставки, не приходится сомневаться, что Герцен имел к составлению каталога самое прямое отношение. Он был либо автором, либо редактором каталога.

Этнографическая работа Герцена была продолжена во Владимире. Здесь, как и в Вятке, ему было поручено редактирование неофициальной части «Владимирских губернских ведомостей». Начиная с № 10 этого издания, вышедшего в январе 1838 г., и до июля 1839 г. он осуществлял это редактирование.

Вопрос о работе Герцена во владимирской газете недавно был специально исследован в интересной статье Н. Н. Баландиной: «А. И. Герцен и «Владимирские губернские ведомости»³³. Н. Н. Баландина показала глубокое отличие содержания неофициальной части «Владимирских губернских ведомостей» до редакторства Герцена и при нем. Первый номер «Прибавлений», от 8 января 1838 г., содержал программное редакционное сообщение: «Назначение и предметы содержания губернских ведомостей, особенно части их неофициальной». Статья имела ярко выраженный монархический характер.

В номерах 16 и 17 «Прибавлений» появилась обширная заметка «От редакции», принадлежавшая Герцену, имевшая программный характер и намечавшая новый курс издания. В этой заметке Герцен обращался ко всем корреспондентам с просьбой присылать материалы и намечал те основные разделы, по которым «с особенной благодарностью приняла бы редакция всякие сведения». Прежде всего — это раздел «О быте народном».

В заметке развернута целая программа изучения народного быта, причем программа, исходящая из определенных теоретических позиций. Быт народа, быт крестьянства чрезвычайно важен для изучения истории народа — «всякая особенность, в каком бы роде она ни была, есть драгоценный факт» и «самые праздники и обычаи ведут иногда к историческим открытиям». «Ничего не должно пропадать из быта народного», подчеркивает Герцен. Акцентируя внимание на быте крестьян-

²⁹ А—VIII, стр. 293.

³⁰ Там же.

³¹ А—XXI, стр. 170.

³² «Губернская выставка в городе Вятке в 1837 году», «Труды Вятской ученой архивной комиссии», 1912, вып. III, отд. III, стр. 57—66.

³³ «Ученые записки Владимирского государственного педагогического института им. П. И. Лебедева-Полянского», Владимир, 1958.

ства, Герцен не забывает и городского населения, указывая на необходимость изучения и его быта, отмечая, что оно «имеет свои отличительные черты в каждом городе». Стесненный рамками официального издания, Герцен, конечно, не мог поставить в своей программе в полном объеме тему о крепостном праве и его влиянии на быт крестьянства. Однако его призыв изучать «частные причины возвышения или упадка деревень» содержал недвусмысленный намек на крепостничество в деревне.

Второй раздел программы — «Исторические памятники». «Вся Владимирская губерния есть огромный памятник Суздальского великокняжества и веков последующих. Сколько же должно находиться в пределах этой губернии драгоценных древностей; Владимир, Суздаль, Александров и другие города представляют обширное поле для исторических исследований»³⁴. Далее Герцен останавливается на необходимости изучения памятников архитектуры, как исторических памятников (старинные церкви) и памятников письменности (документы, рукописи.)

Третий раздел озаглавлен «Торговля», но содержание его шире. Герцен говорит в нем также о «мануфактурной и фабричной деятельности губернии», указывая, что изучение этой деятельности поведет к «пряному заключению о материальном благосостоянии ее жителей». Все значительные заводы и фабрики, по мнению Герцена, «имеют право на подробное описание». Наконец, чрезвычайно важны сведения и о ремеслах как крестьян, так и горожан. Все это необходимо «для полного обзора промышленного быта губернии». Не следует забывать и «мелочную торговлю», а также ярмарки.

Четвертый раздел — «сведения физические». В нем Герцен пишет о желательности получения материалов о климате губернии, почве, горных породах, растениях, животных и т. д.

«Вот на первый случай краткое исчисление самонужнейших предметов для составления полной и отчетливой топографии Владимирской губернии», заканчивает свой призыв к читателям и корреспондентам Герцен³⁵.

В какой степени Герцену удалось осуществить свою программу? В той же статье Н. Н. Баландиной приведен любопытный материал, показывающий, что Герцену, если не в полной мере (это было невозможно в рамках официального издания), то отчасти удалось ее реализовать.

Правда, специальных статей, посвященных положению трудовых масс, в газете не было. Но разбросанные в различных статьях материалы и сведения о жизни народа находим в обоих отделах газеты — статистическом и историческом.

В противоположность этому, дворянству в газете отводилось мало места. «Сообщения о награждении М. М. Сперанского, да три заметки о губернских выборах — вот все, что писала неофициальная часть о «господах помещиках»³⁶.

Герцен всячески стремился поощрять читателей и корреспондентов «Владимирских губернских ведомостей» к присылке материалов о положении народных масс и их быте.

Конечно, в помещении материалов о положении народных масс Герцен был связан и цензурными рамками и самим характером издания. Так, в газете печатались извлечения из официальных материалов об экономике, образовании и т. д. Однако умело подобранные материалы зачастую даже без всяких комментариев говорили за себя. Так, в 1839 г. Герцен поместил выдержки из отчетов Приказа общественного призре-

³⁴ А—I, стр. 375.

³⁵ А—I, стр. 375—376.

³⁶ «Ученые записки Владимирского государственного педагогического института им. П. И. Лебедева-Полянского», Владимир, 1958, стр. 152.

ния, раскрывавшие картину потрясающей детской смертности в воспитательных домах. В одной из таблиц указывалось, что в 1837 г. в Суздале из 43 младенцев приюта умерло 40, а в 1838 г. в юрьевском приюте из 38 младенцев умерло 36³⁷.

Показательна также заметка «Состояние урожая и вообще средства народного продовольствия». В заметке сообщались данные о том, что урожай во Владимирской губернии в 1838 г. «был сам друг небольшим превышением» и с крестьян при сборе остались недоимки³⁸.

Обработку официальных статистических материалов проводил сам Герцен. Свидетельство об этом находим в статье К. А. Тихонравова «Замечательные деятели во «Владимирских губернских ведомостях», с начала их существования»³⁹, написанной, несомненно, по материалам архива этого издания. В этой статье К. А. Тихонраов писал: «С № 10 [1838 г.— Н. С.] А. И. Герцен уже постоянно участвует в губернской газете трудами своими по разработке официальных статистических данных о губернии за 1837 год и разными заметками по современной хронике».

Обработка официальных статистических данных по городам проведена была Герценом по единой программе: здания, народонаселение, потребление, торговля, промышленность, ремесла, хозяйство города.

Газета знакомила читателей с местным народным творчеством. Были напечатаны местные пословицы, извлеченные из сборника Снегирева «Русские пословицы»⁴⁰.

Успешно реализовалась и вторая часть программы, развернутой Герценом в редакционной статье,— публикация материалов об историческом прошлом Владимирской губернии. В газете печатались сообщения о древних монастырях и церквях, заметки о прошлом губернии, а также старинные документы.

В конце 1838 г. в № 50 «Прибавлений» к «Владимирским губернским ведомостям» Герцен вновь поместил сообщение «От редакции», где подвел итоги издания «Прибавлений» за 1838 г.⁴¹

Герцен отмечает всю важность помещенных в газете статистических материалов, считая, что «совокупность «Прибавлений» за несколько лет должна представить возможно полную статистику Владимирской губернии».

Работа Герцена во «Владимирских губернских ведомостях» продолжалась до середины 1839 г. В июле 1839 г. Герцен уезжает в Москву.

Редакторская работа Герцена — необычный факт в истории провинциальной печати 30-х годов. Та программа по изучению народного быта, которую выдвинул Герцен на страницах «Владимирских губернских ведомостей», беспорно, единичное явление. И реализовать ее в полном объеме было, конечно, невозможно. В начале 1839 г. Герцен сам признал неполноту и недостатки редактируемого им издания в сравнении с намеченной программой. Это не умаляет, однако, значения ни редакторской работы Герцена, ни самой программы.

Программа исследования народной жизни, развернутая Герценом на страницах «Прибавлений» к «Владимирским губернским ведомостям» и тесно связанная с работой, которую он начал еще в Вятке, требует особого рассмотрения и сопоставления как с общественно-политическими и научными взглядами Герцена 30-х годов, так и с фактами в области развития русской этнографической науки того времени.

Молодому Герцену была прекрасно известна этнографическая лите-

³⁷ «Прибавления к Владимирским губернским ведомостям», 1839, № 11 от 18 марта.

³⁸ «Прибавления к Владимирским губернским ведомостям», 1839, № 21 от 27 мая.

³⁹ «Владимирские губернские ведомости», 1874, № 74.

⁴⁰ Там же, 1838, № 33, от 20 августа.

⁴¹ А—I, стр. 376.

ратура 30-х годов, и по отношению к тем течениям, которые были в современной ему этнографической науке, он занимал вполне определенные позиции. Герцену были знакомы работы Надеждина и Сахарова, труды Снегирева и Пассека.

Герцен понимал все значение этнографических явлений для раскрытия исторического процесса. Еще в «Вятских губернских ведомостях», в статье о вотяках и черемисах, он подчеркнул все значение этнографических фактов для изучения истории народа. Этнографические факты важны для воссоздания истории не только народов, не имеющих развитой литературы (вотяки и черемисы), но и таких, как русские или англичане и другие народы Западной Европы. Значение этнографического факта для истории русского народа Герцен подчеркнул в статье о русских крестьянах Вятской губернии. А в редакционной статье в «Прибавлениях» к «Владимирским губернским ведомостям» он высказал следующие принципиальные соображения о современном состоянии исторической науки на Западе. «Ныне во всей Европе с величайшим вниманием собираются малейшие частности быта простого народа, в котором преимущественно сохранились и поверия и предания древности: к этому привело современное состояние исторических наук, которое стремится к воссозданию прошедшего со всем его духом и телом. Каким пособием служили, например, знаменитому О. Тьерри подробности нравов и обычаев времени Вильгельма Завоевателя!»⁴².

Отчетливо и ярко формулируя значение этнографических явлений для понимания исторического прошлого, Герцен не ограничивался только этим в характеристике задач изучения народного быта. Изучение современного быта народа было для него еще более важной задачей.

Односторонний уход в историческое прошлое и идеализация этого прошлого встречали резкое осуждение Герцена.

Этнографические работы Герцена во второй половине 30-х годов — не только замечательная страница в творческой биографии великого русского революционера, но и новая яркая страница в истории русской этнографической науки.

Акцентируя внимание на современном народном быте, Герцен, вместе с тем, сближал этнографию с историей, вносил принцип историзма в этнографическую науку.

В советской науке были высказаны соображения, что эти важные принципиальные установки в развитии этнографической науки связаны с именами Н. И. Надеждина и К. Д. Кавелина и падают на 40-е годы XIX века⁴³.

Н. И. Надеждин и К. Д. Кавелин, бесспорно, имеют крупные заслуги в истории русской этнографии, но вряд ли их можно считать «первооткрывателями» и именно с ними связывать первые формулировки о связи этнографии и истории, первые формулировки о значении изучения народного быта для воссоздания исторического прошлого.

Н. И. Надеждин и К. Д. Кавелин в этом отношении подхватили то, что было уже сказано передовыми представителями русской общественной мысли 30-х годов — А. И. Герценом и В. Г. Белинским⁴⁴. Русская этнографическая наука XVIII — первой половины XIX века, так же как и в целом русская историческая наука, тесно связана именно с передовой русской общественной мыслью. Татищев, Ломоносов, Крашенин-

⁴² А—I, стр. 379. Герцен имеет здесь в виду широко известную работу О. Тьерри «История завоевания Англии норманнами» («Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands»).

⁴³ Н. Н. Степанов, Русское географическое общество и этнография, «Сов. этнография», 1946, № 4; С. А. Токарев, Вклад русских ученых в мировую этнографию. «Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. I, М., 1956.

⁴⁴ Творческое наследство В. Г. Белинского в области этнографии еще ждет своего исследователя.

ников, Радищев, декабристы, Герцен и Белинский, Чернышевский и Добролюбов — таковы основные имена, которые определяли переломные этапы в развитии русской этнографической науки. И не случайно принцип историзма в русской этнографической науке был сформулирован впервые в 30-е годы XIX века.

Разгром восстания декабристов заново поставил перед новым поколением дворянских революционеров проблему народных масс. Герцен и его друзья впервые в истории русской общественной мысли выдвинули вопрос о создании «народной истории», рассматривая народ как «пружину» исторического движения.

В связи с этим и проблема народного быта становится проблемой исторической. То, что раньше, казалось, не имело значения для исторического движения, приобретает сейчас определенную ценность и значимость.

Конечно, высказывания А. И. Герцена о значении изучения народного быта и связи этой проблемы с историей народа — только первые формулировки в разработке очень важной теоретической проблемы «историзма в этнографической науке». В 60-х годах следующий шаг в этом направлении был сделан представителями нового поколения революционеров — Чернышевским и Добролюбовым. Однако впервые эти задачи были выдвинуты во второй половине 30-х годов в работах Герцена. И в этом большое историографическое значение этнографических работ Герцена этого времени.

SUMMARY

The ethnographic works of A. I. Herzen, written in the 1830's, constitute an important stage in the creative work of this great Russian Revolutionary Democrat and a notable contribution to the history of Russian ethnography.

Herzen was the first in the history of Russian science to bring together history and ethnography. He regarded the life and culture of the Russian people and of other peoples of the Russian empire as historical realities of cardinal importance. This approach to the problem reflected a new stage in the development of Russian revolutionary thought following the defeat of the Decembrists' rising, when the new generation of revolutionaries stemming from the nobility began to look upon the people as a creative force, as the mainspring of historical progress.